

Товарищ Будда

Как нам попасть на Восток, не заходя на Запад.



Выпускник Иволгинского буддийского университета Булад Гулуков. 27 лет. Родом из села Улентуй Закаменского района. Потомственный лама. Живет при Иволгинском дацане

Буддизм в России похож на того мистического суслика из анекдота: его нет, но он есть. Буддисты предельно открыты, но о них мало что известно. Их изучает целая армия исследователей, но большинство в результате сами становятся буддистами — а значит, перестают быть исследователями. Одни говорят о новом ренессансе буддизма, другие — о его окончательном закате. Одни уверены, что буддизм — это для калмыков, бурят и Гребенщикова, другие приводят данные о том, что число учеников Будды множится исключительно за счет русских. Область исследования буддизма похожа на лабиринт, из которого не возвращаются. Но корреспондент «РР» все-таки решил рискнуть.

Ближе к вершине Лысой горы поднимается ветер. Ледяной, жгучий. Внизу лежит Улан-Удэ. Поворот, и я наконец вижу цель — ослепительно яркий на белом снегу, раскрашенный всеми цветами радуги трехэтажный приземистый храм. На шестах развеваются разноцветные флажки, ветер рвет тряпочки на ветках сосен. - Синие драконы с красными пастями вздыбливаются у крыльца. Я что-то слышу. Звук сочится сквозь свист - ветра и стремится обрести форму. Это человеческие голоса несутся из громкоговорителя. Низкие, горловые, переливающие «а-о-э» и тысячи невероятных гортанных призвуков — они тянут бесконечную монотонную мелодию. Голоса мешаются с барабанами, колокольчиками, ударами литавр. Даже сейчас этот звук у меня в ушах, он мешает мне писать этот текст.

Провалившиеся в буддизм

«Волга-матушка — буддийская река» — в 80-е эта фраза из песни Гребенщикова звучала веселым парадоксом. Сегодня она все больше походит на обыкновенную констатацию факта. Почти в каждом большом городе Европейской России найдется буддийский центр. Всего их около двухсот. Есть еще и традиционные территории: Бурятия, Калмыкия, Тува. Там с начала 90-х идет массовое строительство храмов. Сейчас их около ста. Двадцать лет назад было три. Так что, Россия — буддийская страна?

— Вот живут себе люди в Питере, Москве, Нижнем Новгороде, — рассказывает известный этнограф-

востоковед Наталия Жуковская, — никаких буддистов вокруг нету, образование обычное, инженерное, допустим. И вот что-то случается — как кирпич на голову. Люди бросают все — насыщенную жизнь, иногда даже семьи — и катят куда-нибудь в Бурятию.



Студент 1-го курса Иволгинского буддийского университета Баир Джемцо. 32 года. Родом из Читинской области. До поступления в университет занимался строительным бизнесом. Потомственный лама. Сейчас подумывает о монашестве

«Провалившиеся в буддизм» называет таких Жуковская. Бурятам, калмыкам и тувинцам проваливаться — некуда. Они и так уже там. Проваливаются в основном русские. Сколько же всего буддистов в России?

— Это самый туманный вопрос, — качает головой Жуковская. — Ответ на него столь же туманный. По переписи 2002 года бурят было 445 тысяч, калмыков — 174, тувинцев — 244. Но среди них есть атеисты, шаманисты, православные — просто сложить эти цифры нельзя. Среди русских буддистов тоже хватает. Но сколько? Неизвестно. Основная масса русских принадлежат не к традиционной для России традиции Гелуг, а к другим школам. Самая многочисленная — Карма Кагью. Ее адептов около 300 тысяч. Есть еще Сакья, Ньингма. Но их приверженцев вряд ли больше 10 тысяч наберется. Есть буддисты и среди ученых-буддологов. Они редко кому признаются, что они буддисты: мы в такой стране живем, где тебя за это сегодня похвалят, а завтра посадят. Ну и как их всех считать?

По приблизительным прикидкам буддистов в России около полутора миллионов — один процент населения. Не так уж мало. Проблема в том, кого считать настоящим буддистом.

Вариант «Запад»

Если начинать изучать буддизм с Москвы, вам обеспечен качественный и безвозвратный вынос мозга. Ни одна из 17 зарегистрированных общин столицы не похожа на другую. В каждой своя публика и свой стиль. И в каждой, слегка смущаясь и подбирая вежливые формулировки, вам сообщат, что настоящий буддизм здесь, а остальное — отстой. Не верьте. Все это буддизм. Ни централизованной иерархии, ни универсальной догмы в нем нет. Только школы. В Бирме буддизм не такой, как в Китае, в России — не такой, как в Тибете и Индии, в Бурятии — не такой, как в Калмыкии и Туве. Статья Википедии, где названия всех буддийских школ перечислены в столбик, занимает десяток страниц. В России, как в капле воды, отражается весь мировой буддийский букет.

— Ну, знаете, это бесконечное многообразие мы видим, когда смотрим из Москвы, — говорит Андрей Терентьев, философ, религиовед, главный редактор журнала «Буддизм России». — А так у нас в стране два главных анклава: этнический буддизм, который традиционно практикуется в Бурятии, Туве и Калмыкии, и европейский, западный — это люди новообратившиеся.

Каждый день в восемь часов вечера в Московском буддийском центре Алмазного пути на Петровском бульваре начинается медитация. Большая белая комната с высоким потолком и недавним евроремонтом.

Похоже на издательский офис, который только что переехал и не успел захламиться. О значении происходящего напоминает только одинокий позолоченный Будда у дальней стены.

Девушка с неподвижным лицом сидит на полу. Белым голосом биоробота она говорит о свободе и счастье. На коврах расположились сотня человек. Девушка предлагает представить себе главу школы Карма Кагью — Кармапу 16-го в золотом сиянии. Постепенно представляем, как из головы, шеи и сердца Кармапы исходят три луча — белый, красный, синий. Каждый луч очищает: тело, речь, ум. В итоге все должно раствориться в радужном тумане. И наступит счастье.

Это нехитрое упражнение занимает час. Потом все идут на кухню, пьют чай и общаются. Общаться здесь приятно. Милые люди, в глазах так и светятся высшее образование и искренняя любознательность к жизни. Ни обрядов, ни аскезы. Разговоры не о высоком. Просто забежали после работы и быстренько прочистили сознание...

Такие же центры с белыми стенами и роботоподобными девушками есть в 640 городах мира. Только в России их 76.



Студент 1-го курса Иволгинского буддийского университета Дамдин Санжиев. 18 лет. Родом из села Хуртага Закаменского района. Потомственный лама

— Уже 77, — поправляет меня Елена Леонтьева, кандидат исторических наук и практикующий буддист, одна из «странствующих учителей» Алмазного пути. — Я вчера была в Набережных Челнах. После лекции к нам подошли три человека и сказали, что хотят образовать общину.

— Зачем люди к вам приходят?

— Они хотят совершенствовать свой ум. Это вечный запрос. У всех, всегда.

— Ваши адепты чем-то отличаются от обычных людей? Своих узнаете?

— Узнаю, — улыбается милая Елена. — Ну, они такие... среднего роста, некрупные, улыбаются...

Некрупные улыбающиеся кагьюповцы появились в Москве в начале 90-х. Все тогда искали новые ценности. Куда идти, знали: разумеется, на Восток — Индия, Китай. Туда шли битлы и хиппи 60-х. Туда же ушел Гребенщиков. С направлением, однако, получилась странная штука. Шли на Восток, а пришли все равно на Запад.

Оле Нидал, основатель сотен буддийских центров по всему миру, по национальности датчанин. В молодости был хиппи, баловался травкой, потом, путешествуя по Непалу, познакомился с буддийским учением, прошел школу и стал ламой. Так его теперь и зовут — лама Оле. В России он с начала 90-х. Исповедует Кагью, или Алмазный путь.

Под крылом Оле оказались потомки тех, кто курил травку на рок-фестивале в Вудстоке. Цель — быстро и качественно познать смысл бытия, преодолев его невыносимость. «Ученые делают простые вещи сложными, а я делаю сложные вещи простыми», — говорит Оле. И никого не обманывает. Харизма Оле отменяет вопрос о действенности его учения. Он — идеальный посредник между Европой и Азией, между внешним эффектом и внутренним содержанием. Его способ жить кружит головы, а буддизм это или нет, неважно.

— Я понял, что хочу быть, как он, — объясняет свою тягу к буддизму адепт Кагью, парень в элегантно растянутой майке. — Честно. Его же прет невероятно. Он работает в таком режиме, который ни тебе, ни мне не снился даже. И потребовалось восемь лет мозгое...лова разного, чтобы сказать себе: все, ты потерял достаточно времени. Теперь надо просто сделать. Как можешь. Как умеешь.

Буддизм Оле потрясающе эффективен. Его адепты достигают невозмутимого счастья уже за несколько недель практики. Это счастье, как старый дом после евроремонта, не имеет национальности — безлико, лапидарно и сухо. Еще одно следствие глобализации. Еще один пропуск в большой европейский мир.

— Знаете, я у Пелевина это прочитал, — говорит Андрей Терентьев. — Почему буддизм так распространился у нас? Потому что любой клерк, сходяв на пару занятий по медитации, считает себя вправе смотреть на весь остальной мир как на сборище кривляющихся клоунов.

Но в России есть и совершенно другой буддизм.

Вариант «Восток»



Бурят в традиционном костюме на службе в одном из дуганов Иволгинского дацана

Встал, умылся, сделал подношение защитникам-йидам (молочка налить в специальную мисочку), днем плохого не делаешь, живые существа не обижаешь, вечером читаешь мантры. Так живет нормальный буддист, объясняет мне пожилая бурятка в маршрутке по дороге в Верхнеберезовский дацан на окраине Улан-Удэ. Скоро праздник — новый год Черного водяного дракона. Бурятка приехала из дальней деревни поближе к святым местам. Разговаривать с ней о совершенствовании сознания смысла нет — не поймет и удивится. Здесь это как-то не принято. На то есть ламы.

С дороги дацан выглядит странно. Большое поле застроено кривенькими русскими избушками, над которыми вьются печные дымки. Все скучно, бедно. Только в глубине между изб мелькает нечто ослепительное — все цвета радуги, все краски мира: легендарные дуганы с загнутыми краями крыш, драконами и львами, лентами и флажками, молитвенными барабанами и колокольчиками. На заснеженных дворах суетятся молоденькие ученики в пурпурных хитонах. Пожилая бурятка идет крутить барабан, а я стараюсь вжиться в среду.

Каждый дацан Бурятии предлагает два вида услуг: астрологические и медицинские. Все бесплатно, но подношение ламе считается благим делом. Испокон веков храмы содержались только на средства прихожан:

ни церковных десятиных, ни государственных вложений в буддийском обиходе никогда не было и нет. Каждый десятый бурят традиционно становится ламой, остальные девять его кормят. За что? За знание тибетского, китайского и санскрита, великолепное философское образование, добровольно избранную монашескую участь. И еще за доступность: каждый бурятский род имел свой дацан — а значит, и своих домашних мудрецов. Зачем? О! Домашний мудрец — вещь необычайно полезная.

Полутемный грязноватый коридор с бедными скамьями вдоль стен напоминает деревенскую больничку. В коридоре очередь к ламе, человек десять.

— Мы квартиру собрались продавать, — слышу из-за двери женский голос. — Хотим дом построить в пригороде. Сын у меня женился, ребенок родился, надо создать условия, вы же понимаете.

Что может понимать в продаже квартир монах, прошедший большую часть жизни в дацане в полной нищете, непонятно. Но это никого не смущает.

— Сыну вашему продавать в этом году нельзя. Вы сами продавайте, — авторитетно сообщает лама. — А вот строить в этом году можно только сыну. Вы к строительству близко даже не подходите. Вам совсем нельзя ничего такого. А продавать — продавайте. Это можно.

От ламы выходит роскошная дама. Взгляд ее светел и полон облегчения. От традиционной христианской исповеди посещение ламы отличается принципиально. Лама не имеет права «вязать и решить». Он советует. На ком жениться, как вести хозяйство, где и чему учиться. Тем здешний буддизм и отличается от западного — конкретностью и разделением труда. Если лама Оле учит совершенствованию сознания, то здесь лама скорее научит коз разводить.

На Западе буддийскую философию раздают по демократическому принципу — всем желающим, но понемножку, а здесь философия только для монахов, но зато по полной программе. Западный совершенный ум — достояние частное, здесь же совершенный ум монахов находится в полном распоряжении всей республики. Если бы к буддистам за советом заходили не только обремененные детьми бурятки, но и местная администрация, казна была бы целее, а край богаче. Больше всего местные монахи напоминают председателей колхоза с философскими дипломами.

— Какой скот в Бурятии лучше разводить? — деловито втолковывает мне Санжа-лама из Иволгинского дацана. — У нас континентальный климат, зимы жестокие. Если разводить коров или свиней, мы же кормов не напасемся. Лучше баран. Он всю зиму сам себя кормит.

Ни в какую высокую духовность буддисты здесь не верят. Будут люди сыты, будет и духовность. А голодному наплевать и на бога, и на Будду. Немудрено, что за последние десять лет число прихожан в дацанах пополнилось на 40–50 тысяч за счет православных.

Все мы немножко...

Про буддизм средний гражданин России узнает обычно от эзотериков. Кого только на этой поляне не паслось: Блаватская, Алиса Бейли, Рерих, Гурджиев... Для предприимчивых европейцев буддизм таит в себе неисчерпаемый коммерческий потенциал. Тему перерождений, мантр и нирваны продавали под соусами разнообразных учений тысячи разных жуликов. И все это мимо кассы. Настоящий буддизм для европейцев с трудом уловим. От привычных нам идеологий он отличается как небо от земли. Еще бы! За две с половиной тысячи лет он даже не удосужился решить, религия он или нет.

— Знаете, это для буддизма совершенно досужий вопрос, — говорит один из ведущих буддологов России, доктор исторических наук, профессор Института востоковедения РАН Валерий Андросов. — Буддизм — такая колоссальная система, в которой есть все. Она и учение, и религия, и образ жизни, и что хотите. В европейском понимании буддизм действительно не религия. У него никогда не было церкви в нашем смысле. Сам Будда просил не обожествлять его персону. Тут и монахи согласятся: ну какая мы религия? Сидим, медитируем, даже не нужно ритуалы проводить — следи за собой, совершенствуйся.



Студент 1-го курса Иволгинского буддийского университета Тумен Банзаркаев. Брат мамы, лама, посоветовал 16-летнему Тумену поступить на художественный факультет. Сам Тумен собирается продолжить обучение в Монголии

Самосовершенствование у буддистов специфическое. Высшая цель — бодхичитта, то есть искреннее соучастие в людских заботах, сострадание, готовность помочь. А помочь для буддиста — значит научить. За две с половиной тысячи лет буддизм выработал 84 тысячи практических путей достижения нирваны, то есть свободы от всех видов омрачений. Его всегда интересовали только две вещи: как сделать живых существ счастливыми, а мир лучше. Для этого даже бог не нужен. Твое счастье — ты его и создаешь. Твой мир — ты его и делаешь. Когда Будду спросили, есть ли бог, он сказал: «Есть». Это было утром. Днем на тот же вопрос Будда ответил: «Нет», а вечером промолчал.

Гениальная простота буддизма предлагает жить «здесь и сейчас» и отвечать за содеянное. Более того, буддисты уверены, что все религии мира учат примерно тому же. К числу бодхисатв можно отнести и Христа, и Эйнштейна, и Толстого, и даже Винни-Пуха. Просто потому, что они добры и научили мир хорошим вещам. Кстати, никакой идеи миссионерства у буддистов отродясь не было. Они никого за собой не зовут. Работает личная передача «ученик — учитель». Хочешь учиться — учись. Не хочешь — дай тебе твой бог здоровья.

Пока другие религии создавали иерархии, вели войны за правую веру и обростали догматикой, буддизм кропотливо разрабатывал способы излечения ума и тела от всех видов страданий. И немало в том преуспел. Получившийся результат впечатляет. Буддизм категорически не стремится к мировому господству, доброжелателен по отношению к любым убеждениям, бескорыстен, практичен, антидогматичен, антитоталитарен, не признает никакого патернализма, кроме доверия и дружбы, и честно берет на себя - ответственность за страдания человечества.

Ну и как, спрашивается, простому русскому человеку не провалиться в буддизм? Это отличная возможность разрушить родовую печать тоталитаризма, поменять точку сборки и взглянуть на вещи с принципиально другой позиции. Отличная альтернатива национальной гордости великоросса. Ее идеальный Другой. Стоит нам только заподозрить существование иной системы координат, иного способа жить, как мы тут же оказываемся в двух шагах от буддизма.

— У меня отец пил, братья пьют, — говорит Федор, предприниматель из Северобайкальска. — Они и в церковь вроде ходят, и в бога вроде верят. Но... Я все искал какой-то другой способ жить. Думал — безнадега, ничего такого нет. А потом случайно с сыном пошел на одну встречу. Там учитель был — буддист. Я таких людей никогда не видел даже. Говорить-то всякое можно. А он что говорил, то и делал. Был другим — понимаете? Добрым, что ли, простым. Ну, я пошел за ним. Вот уже 15 лет иду.

Проблема лишь в том, что в поисках иной точки сборки русские по большей части получили буддизм не из рук его исконных носителей, а из рук европейских учителей. Последние работают исключительно с одной отдельно взятой личностью, адаптируя ее к реальности глобализованного мира. Получается здорово, демократично. Вот только существование такой наднациональной реальности — чистая иллюзия. В каждой стране буддизм свой, местный, именно такой, какой здесь нужнее.



Студент 1-го курса Иволгинского буддийского университета. Так стеснялся фотографа, что свое имя не назвал

Бурятский буддизм для самих бурят — чуть ли не главное национальное достояние. Родиться здесь — редчайшее везение. Представьте себе, что весь мир — это огромный океан. В его водах плавают одна-единственная черепаха, а на поверхности — одна лодка. Черепаха всплывает на поверхность раз в сто лет. Какова вероятность того, что однажды она встретится с лодкой? Такова вероятность родиться в буддизме. Так говорят в Бурятии.

— Здесь у нас очень сильна интуитивная вера, — объясняет нам бывший главный редактор газеты «Бурятия» буддист Николай Дамбаричинов. — У русских хочешь не хочешь, европейский склад ума. Это головной путь. Но тот, кто молится о том, чтобы усовершенствовать свой ум, — он достигнет состояния нирваны самым последним. А буряты пересчитывают четки, читают несколько элементарных мантр, но при этом желают счастья бесчисленному количеству живых существ. Они прощают, у них доброта внутри сама собой возрождается. Когда ее становится достаточно, говорят: «Дно упало». Что-то пробивает внутри, и самого тупого человека вдруг озаряет. Все, что у него там застыло, все эти шурупы-гаечки начинают свободно вертеться, и он начинает понимать такие вещи, которые любой европеец изучает годами.

На стене в кабинете Дамбаричинова висит деревянная дощечка, на которой вырезана пирамидка из четырех животных: слон, обезьяна, заяц и птичка.

— Это тунши, — говорит Дамбаричинов, — по-тибетски «четверо дружных».

Притча тут такая. Встретились слон, обезьяна, заяц и птичка под деревом с сочными плодами. Все четверо были старенькие и не могли рвать плоды с верхних веток. А внизу плодов на всех не хватало. Стали зверюшки спорить, кто из них старше, кому должны достаться плоды. Слон говорит: когда я был маленький, это дерево было с меня ростом — значит, я старший. Обезьяна сказала: когда я была маленькой, это дерево было с меня ростом — значит, я старше. Тогда заяц сказал: когда я был маленький, это дерево было крошечным ростком, из которого я пил утреннюю росу. А птичка сказала: я помню, как однажды, пролетая над этим местом, выронила из клюва семечко. И тогда все звери согласились, что плоды должны достаться ей по праву старшинства. Но птичка решила по-другому. Мы друзья, сказала птичка, давайте встанем друг на друга и будем рвать плоды с верхних веток.

— Они перестали препираться и нашли способ мирной жизни, чтобы все были довольны, — поясняет Дамбаричинов. — Россиянам всегда этого не хватало. Никогда они не могли договориться. Им все плохо — царь плохой, помещики плохие, президент плохой...

Учение Будды пришло в Россию вместе с калмыками 400 лет назад. Но статус официально признанной

религии оно получило только при Елизавете Петровне, в 1741 году. С тех пор буддисты делят все тяготы российской жизни. При царе они пользовались уважением за мудрость и бесконфликтность. У советской власти точка зрения была другая: буддизм вкупе с православием был не более чем одной из форм религиозного мракобесия.

Досталось всем — и знаменитым столичным буддологам, и бурятам, и калмыкам. Дацаны разгромили, большинство лам отправились в лагеря, многие были расстреляны, оставшиеся ушли в подполье. До сих пор в Бурятии рассказывают поучительные притчи о том, как медитировали ламы в тюремных подвалах: условия были идеальные — света мало, пища постная и никаких помех самоуглублению. К 1941 году Сталин официально объявил об отсутствии буддизма на территории СССР. Но уже в 1946-м делегация чудом выживших бурятских лам отправилась в Кремль с просьбой вернуть их народу учение Будды. Иначе, утверждали ламы, Бурятия просто не поднимется. Возродить буддизм разрешили. Но по минимуму. Первый и последний дацан отстроили на болоте подле Улан-Удэ, в селе Иволга.

Только в начале 90-х идеологический контроль был снят. Буддизм поднялся стремительно. Сейчас в Бурятии и окрестностях 47 действующих дацанов. В Калмыкии — 27, в Туве — 17. Буддийские центры плодятся по всей стране. Вроде бы все хорошо, но...

Буддизм для федеральных властей абсолютно непонятен. С одной стороны, его последователи считают священной любую власть: со времен Елизаветы Петровны каждый правитель России объявляется воплощением Белой Тары, одной из центральных фигур буддийского пантеона. Это хорошо. С другой стороны, буддисты никогда ни на что не жалуются. Это еще лучше. С третьей — учение Будды неискоренимо миролюбиво. Буддисты против любых войн. Даже таких, как чеченская. Это хуже. С четвертой стороны, буддисты очень мешают России в ее возрождающейся любви с Китаем — главным виновником изгнания далай-ламы из Тибета. Это совсем плохо. Буддизм для России — это большая кость в ее политическом горле.

Но победить тихий и кроткий буддизм сложно. Его философия слишком человечна, чтобы быть серьезно оспоренной. Его структура слишком расплывчата, чтобы быть управляемой. Его традиция слишком растворена в жизни, чтобы быть искорененной.

Будда внутри нас



Студент 3-го курса Иволгинского буддийского университета Еще Дорже. 30 лет. Потомственный лама. До поступления учился на портного, работал в ателье закройщиком. Впал в глубокую депрессию и пришел в свой дацан за советом. Лама направил его учиться в Иволгу. Еще бросал учебу 4 раза. Потом прижился и ни о чем не жалеет

В Иволгинском дацане готовятся к Сагаалгану — главному празднику года. Торжества начнутся завтра. Пока здесь тишина. Стынут под ветром молитвенные барабаны, величественно громоздятся священные ступы. Между ярко сияющими храмами и русскими избами высится нелепое серое блочное здание. Это гордость Иволги — буддийский университет. Сейчас здесь тихо. У студентов-хувараков каникулы, все разъехались по домам. Остались только те, кому ехать далеко или неохота. То есть русские.

— Что такое настоящее самосовершенствование? — спрашиваю я у Виталия, хуvaraка четвертого курса. Мы сидим в жарко натопленной избе, пьем чай с моченой облепихой и разговариваем. Кроме Виталия за столом еще двое — Антон и Вячеслав.

— Это когда человек не притворяется, — задумчиво говорит Виталий. — Большинство людей ведь просто создают впечатление. А как по-настоящему? Я даже не знаю, как это определить. Это же все внутри...

Виталий из-под Самары. Родители — обычные рабочие люди. Никакого буддизма ни в семье, ни вокруг. В школе учился хорошо, но без радости — надо так надо. Однажды вычитал что-то о буддизме и влюбился. После школы закончил техникум, чтобы родителей успокоить, получил диплом, заработал денег, приехал сюда. Вот и вся история.

Антон тоже русский, из Тулы. Учился в Дубне на физика-атомщика. Хотел разобраться, как устроен мир, но после второго курса сбежал в Иволгу. Материализм замучил. Что можно понять в устройстве мира, если не исследовать человеческое сознание?

— По-тибетски буддист — это «санчжей нанва», Будда внутри, — объясняет Антон. — Все в этом мире есть проявление сознания. Насколько ты познал эту реальность — то для тебя и буддизм. Он как зеркало: кто ты есть, то ты в нем и увидишь.

Русских хуvaraков в Иволге примерно один на десять бурят. Но приезжают многие. И уезжают. Слишком медленный, слишком долгий путь. Начинается обучение с тибетского алфавита. Потом несколько лет чойры — школы философского диспута. Никакого радужного счастья. Только бесконечные упражнения в логике. Жесткой аскезы здесь нет, но из 50 человек, поступивших на первый курс, до четвертого дошли только 19. Это нормально.

— Говорят, буддизм — это религия будущего?

— Не думаю, — качает головой Виталий. — Он придет в упадок. Он и сейчас в упадке. Как наш учитель говорит, буддизм умрет, как лев, которого съедают черви. Останутся только храмы и ритуалы...

— А то, что сейчас в Питере и Москве, — это мода. Просто все другие идеологии проиграли, — подхватывает Антон. — Буддизм в России будет распространяться за счет книг, дацанов, европейцев. Но будут ли его носители развиты внутри — это другой вопрос. Легко сказать, что все пустотно. Но насколько это понимание тебя меняет?

— Во всех городах сейчас дхармо-центры есть, — строго качает головой Вячеслав. — Говорят, что через два дня вы достигнете просветления. Ну что это такое? Нельзя так.

Вячеслав в этой компании единственный бурят. Из религиозной семьи. Буддизм вокруг него с детства.

— Я помню, однажды мы с другом, когда были маленькие, собрались поймать маленькую птичку, — рассказывает Вячеслав, — и вдруг бабушка как начала на нас ругаться: «Вы что делаете?! Это же живое существо! Оно из-за вас попадет в нижние миры». Мы сразу: «Не будем, не будем». Это и есть буддизм.

Будда везде

— Ну, как вам наши хуvaraки? О пустоте говорили? — смеется пандито хамбо-лама Дамба Аюшеев. — Вот закончат учиться, только простые вещи будут говорить.

Пандито хамбо-лама по-тибетски означает «большой учитель». Так традиционно называют главу буддийской общины России. Дамба Аюшеев занял этот пост в 1995 году. Высокий, крупнотелый и статный бурят со стремительной походкой и ухваткой правильного деревенского мужика. Про него рассказывают разное: неинтеллектуал, яростный патриот, может и наорать. Не наорал. Наоборот, обрадовался. Похоже, ему очень важно, чтобы там, в Москве, все наконец поняли, что-то главное о буддизме.

— Самое главное — чтобы сохранилось у нас село, — серьезно Аюшеев. — Почему? Рассуждаем логически: все мои дацаны где? В селах. Если я потеряю эти села и все буряты переедут в Улан-Удэ и в Москву, тогда я проиграл, тогда буддизм проиграет. Если я буду, например, заниматься пропагандой — ну, скажем, на каждой улице поставлю статую Будды, всех своих лам брошу в города нашу интеллигенцию развлекать... Есть такой путь, конечно. Вон у нас тибетцы читают лекции, дают посвящения — они считают, что это у них буддизм. Ну, они что? Они — иностранцы: заберут свое богатство и куда-нибудь уедут — им

какая разница. А мне надо здесь жить. Я кровно заинтересован, чтобы народ в селе жил богаче, чем в городе.

— Сохранить деревню, сохранить уклад... Тут же весь мир проигрывает.



Студент 5-го курса Иволгинского буддийского университета Жаргал Гармаев. Потомственный лама. Собирается продолжать обучение в Индии

— А мы выиграем! — стучит по столу кулаком хамбо-лама. — У бурят условием сохранения рода всегда был дацан, понимаете? Сегодня коммунисты ушли, идеология ушла, а рода-то остались. И когда людей просишь поднимать родовой дацан, тогда и люди поднимаются.

— А что вы думаете про русских, которые буддизмом интересуются?

— Не-не-не, я против этого, — машет руками Аюшеев. — Я своих хорумчинцев теряю, мне не до этого. Пусть русские ходят в свою церковь. Первое правило буддизма — это убрать всех интересующихся. Человека, который интересуется, надо гнать. В три шеи. Вы не обижайтесь! Но это очень тяжелая вещь — понять буддийскую философию. Это не каждому дано, и лучше туда не лезть. Нам количество буддистов не нужно, миссионерством мы не занимаемся. Вся моя деятельность направлена куда? Вглубь своего народа. А что там у русских — это не мое дело...

Хамбо-лама вздыхает и лукаво подмигивает:

— Но чем больше их гонишь, тем больше они сюда приходят, вот чего плохо...

Выхожу на злой бурятский мороз. Я испытываю то, что не должен испытывать журналист, — влюбленность. Хорошее это дело — буддизм. Не тот стерильный европейский, смахивающий на универсальное гигиеническое средство, защищающее от собственной национальности. А вот этот — грубый, пасущий баранов и поднимающий народ. Может, затем он и пришел в эту страну, чтобы быть для русских вечным искушением, чтобы напоминать о том, кто мы есть, давать возможность увидеть самих себя в истинном свете...

Вот и пришел праздник. Гремят барабаны, звенят колокольцы, свистят священные дудки. Сегодня вечером буддисты всего мира простятся с годом Зайца. Через несколько минут подле Иволгинского дацана вспыхнет костер Дугжуба, и тысячи верующих кинут в него ритуальные тряпицы, которыми смоят неблагойе дела прошлого.

Причудливая процессия выходит из храма. Ледяной ветер колышет полы одежд, кособочит праздничные шапки лам, тысячи людей расступаются перед пурпуром монашеских мантий. Факел летит в костер. Яркое пламя освещает огромное поле. Древние великие народы, молча и тайно помнящие себя настоящих, приходят из тьмы к свету костра — это как вековой сон, которому один раз в год можно превратиться в торжествующую явь...

На пронзительном ветру стою перед воротами дацана, жду последнюю маршрутку. Из тьмы возникает неясная фигура — молодой русский парень без шапки и варежек. С трудом различаю его лицо.

— Вы журналист?

— Да...

— Здравствуйте, я аватар. В прошлой жизни я был черным драконом.

Ну, здравствуй, Русь буддийская...

Ольга Андреева
Фотограф Татьяна Плотникова

Автор: Артур Скальский © Русский репортер РЕЛИГИЯ, РОССИЯ 👁 3461 09.10.2012, 01:06 📌 403

URL: <https://babr24.com/?ADE=109091> Bytes: 31032 / 29927 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)